

Третий лишний? Попытки литературной канонизации А.Н. Толстого в 2000–2020-е гг.

© 2024, В.В. Чекушин

Сибирский государственный университет науки и технологий им. М.Ф. Решетнева,
Сибирский федеральный университет,
Красноярск, Россия

Аннотация: В начале 1990-х гг. на фоне утраты авторитета советской культуры имя А.Н. Толстого выпало из ядра национального литературного канона. Относительно фигуры писателя сложился консенсус — он рассматривался, в первую очередь, как приспособленец, сотрудничавший с властью и выполнявший «социальный заказ». Подобные оценки зачастую имели эмоционально окрашенный характер и отодвигали дискуссию о поэтике толстовских текстов на второй план. Однако с начала 2000-х гг. наметился сдвиг в сторону более объективной оценки роли писателя в отечественном литературном процессе. В первую очередь, этому способствовал выход биографии Толстого, написанной А.Н. Варламовым. С этого же периода представители различных институтов канонизации актуализировали дискуссию о месте Толстого в национальном пантеоне литературы. Данная статья посвящена изучению механизмов канонизации писателя в 2000–2020-е гг. В фокус внимания, в первую очередь, попали художественный, критический и медиадискурсы, где регулярно возникали упоминания имени Толстого и отсылки к его художественным текстам. Несмотря на рост интереса к личности и творчеству писателя, утверждать, что его имя вошло в ядро национального литературного канона, не приходится. Это обусловлено несколькими причинами, в частности резким падением авторитета советских классиков после распада СССР и дефицитом в современной России системных попыток возвращения фигуры Толстого в отечественный пантеон со стороны представителей основных институтов литературной канонизации.

Ключевые слова: А.Н. Толстой, А.Н. Варламов, канонизация, критика, биография.

Информация об авторе: Викентий Владимирович Чекушин — кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры общественных связей, Сибирский государственный университет науки и технологий им. М.Ф. Решетнева, пр. им. Газеты «Красноярский рабочий», 660037 г. Красноярск, Россия; доцент кафедры журналистики и литературоведения, Сибирский федеральный университет, пр. Свободный, д. 82а, 660041 г. Красноярск, Россия.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-9829-0875>

E-mail: Vikesha@bk.ru

Для цитирования: *Чекушин В.В.* Третий лишний? Попытки литературной канонизации А.Н. Толстого в 2000–2020-е гг. // Литературный факт. 2024. № 1 (31). С. 242–260. <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2024-31-242-260>

Периферийный статус А.Н. Толстого в литературном пантеоне начал формироваться практически с самого начала его писательской карьеры. Так, критик Иванов-Разумник уже в статье 1911 г. с названием «Алексей Толстой 2-й», прозрачно намекавшим на более низкий статус героя публикации по сравнению с его предшественником-однофамильцем, писал:

Первой величиной, думается мне, ему никогда не быть; а во втором ряду современных художников слова он будет занимать и занимает свое определенное место. Вот почему и название «Алексей Толстой 2-й» является, по-видимому, точно соответствующим действительности [15, с. 114].

Спустя почти 20 лет в эмигрантской печати схожие мысли высказывал Г. Газданов:

Толстой — самый лучший из второстепенных писателей. Конечно, он намного выше почти всех современных писателей в России; конечно, и в иностранной литературе мало найдется людей, которые могли бы с ним сравниться. Но ему не дано в своих вещах доходить до конца и приближаться вплотную к той границе, за которой начинается мировое значение искусства» [9, с. 767–768].

Как мы видим, и дореволюционные, и эмигрантские критики воспроизводили мнение о второстепенном положении Толстого в литературном пантеоне. Такое восприятие было обусловлено не только уровнем его текстов, но и фамилией, которая постоянно напоминала современникам о вторичности писателя по отношению к литературным предшественникам.

Иная репутация сложилась у Толстого в СССР. Спустя 10 лет после возвращения из эмиграции, к середине 1930-х гг., он занял позицию «первого после Горького» советского классика — так, после его смерти именно Толстой был одним из тех, кто нес гроб писателя на церемонии прощания. Широко известны слова В.М. Молотова на

Съезде Советов 1936 г., свидетельствовавшие о чрезвычайно высоком символическом статусе писателя, работа которого одобрялась первыми лицами государства: «Передо мной выступал здесь всем известный писатель Алексей Николаевич Толстой. Кто не знает, что это бывший *граф* Толстой! А теперь? Теперь он *товарищ*¹ Толстой, один из лучших и самых популярных писателей земли советской» [19, с. 255]. Центральное положение Толстого в советской литературе отражено и в школьных учебниках, где, как известно, наиболее четко фиксируется ядро национального литературного канона. Толстой объявлялся в них классиком еще при жизни, в начале 1940-х гг. [24]. Писателю были посвящены монографические разделы практически во всех поколениях учебников.

Диспозиция изменилась в конце 1980-х – начале 1990-х гг., когда вслед за утратой авторитета официальной культуры СССР начался демонтаж советского литературного канона. К тому же в период политической либерализации журналы массово печатали произведения «возвращенных» авторов, привлекавшие повышенный читательский и исследовательский интерес. Во второй половине 1990-х гг. государство начало предпринимать первые попытки конструирования «объединенного» пантеона национальной литературы. Основные контуры ядра литературного канона «новой России» оформились в 1998 г., когда Министерство образования выпустило приказ, который «резко сокра[тил] перечень имен и названий, не просто рекомендованных — но *обязательных* для изучения в выпускном классе средней школы» [25]. В указанном списке фамилия А.Н. Толстого отсутствует, из признанных советских классиков представлены Горький (причем упор в изучении делается на раннее творчество), Маяковский и Шолохов.

Программа не вполне соответствовала массовым представлениям читателей о том, кого можно причислить к классикам. В том же 1998 г. среди москвичей был проведен социологический опрос. На открытый вопрос, кого они считают самыми выдающимися писателями XX в., 3% респондентов назвали советских классиков Фадеева и Толстого наряду с их современниками — Куприным, Цветаевой, Пастернаком, у которых отношения с властью в СССР сложились в той или иной степени менее удачно². Правда, указанные авторы сильно уступали лидерам списка — Шолохову и Булгакову, которых

¹ Здесь и далее курсивы принадлежат цитируемым авторам. — *В. Ч.*

² Такой же процент набрали братья Стругацкие, А. Блок, В. Пикуль, К. Симонов, А. Твардовский, В. Аксенов и даже автор популярных детективов А. Маринина. См.: [13, с. 166].

вспомнили 11% опрошенных. Симптоматично, что произведения Куприна и Цветаевой присутствуют и в списке Министерства образования. Как мы видим, из авторов первой трети XX в. составители программы отдавали предпочтение тем, у кого при жизни отношения с советской властью складывались непросто.

Периодом интенсификации интереса к фигуре Толстого стали 2000-е гг. (в это время начался пересмотр роли советского наследия в истории отечественной культуры). В первой половине десятилетия вышел ряд важных научных и научно-популярных работ о жизни и творчестве писателя. Так, в 2002 г. ИМЛИ РАН выпустил сборник «Алексей Толстой: новые материалы и исследования» [4], в 2004 г. М.И. Свердлов опубликовал монографию «По ту сторону добра и зла: А. Толстой от Буратино до Петра» [22], а в 2005 г. вышла фундаментальная книга внучки писателя Е.Д. Толстой «Деготь или мед. Алексей Толстой как неизвестный писатель» [23]. С этого времени научные работы о Толстом начали появляться регулярно³.

Возвращение интереса к Толстому в читательских и окололитературных кругах связано с публикацией в журнале «Москва» (2005) его биографии, написанной А.Н. Варламовым. Эмблематичен пример смены ее заглавий. Если первый, журнальный вариант, назывался «Красный шут», то впоследствии это заглавие было снято и заменено на нейтральное «Алексей Толстой». Биография издавалась 4 раза — впервые она вышла пятитысячным тиражом в 2006 г. (серия «ЖЗЛ»). В 2008 г. появилось второе издание этой книги (тираж вырос вдвое — до 10 тыс. экземпляров). Спустя год биография вышла в издательстве «Эксмо», тогда тираж составил 3 тыс. экземпляров. А в год 140-летия со дня рождения писателя «Редакция Е. Шубиной» выпустила ту же книгу под заглавием «Алексей Толстой: играть самого себя» количеством 2 тыс. экземпляров. Таким образом, суммарный тираж всех изданий составил 20 тыс. экземпляров. Сравним с тиражами биографии современника Толстого и признанного классика XX в. Булгакова, написанной тем же Варламовым в серии «ЖЗЛ» и других сериях. С 2008 г. суммарный тираж составил 23,3 тыс. экземпляров. Сопоставимые цифры могут свидетельствовать о постепенном возрастании интереса к фигуре Толстого в издательских и читательских кругах. Однако важно уточнить, что,

---

³ На сегодняшний день наиболее систематические усилия, направленные на изучение, (пере)издание и популяризацию наследия А.Н. Толстого, предпринимают сотрудники группы подготовки Полного собрания сочинений писателя, сформированной в ИМЛИ РАН. Ее коллектив регулярно проводит конференции, посвященные Толстому, и выпускает сборники научных трудов о нем. См.: [1; 2; 3].

по нашему мнению, внимание к фигуре А.Н. Толстого обусловлено интересом не столько к его творчеству, сколько к насыщенной биографии. В случае же с Булгаковым дело обстоит наоборот. Писатель остается одним из самых издаваемых авторов художественной литературы в России — по итогам 2022 г. он занял 8 место в списке, суммарный тираж его книг за год составил 505 тыс. экземпляров⁴. Таким образом, внимание к его жизни является следствием интереса к его текстам, в первую очередь к «Мастеру и Маргарите», а также к «Собачьему сердцу», популяризации которого способствовал выход в 1988 г. одноименного фильма.

В середине 2000-х гг. личность Толстого начинает активно обсуждаться и в критике, важном институте канонизации писателей. В большинстве случаев катализатором дискуссии тоже становилась работа Варламова. Приведем показательный пример. В своей первой статье по поводу выхода биографии влиятельнейший критик А.С. Немзер использовал по отношению к текстам Толстого определение «краннесоветская “классика”» [21]. При этом слово «классика» было взято в кавычки, что недвусмысленно дезавуировало толстовский статус. Критик задавался вопросом, почему человек сомнительного, по его мнению, морального облика был выбран в качестве объекта биографического повествования: «По-настоящему интересно одно: выбор героя. Всю дорогу Варламов пытается убедить (кажется, не только читателя, но и себя), что автор <...> был и впрямь человеком и писателем замечательным» [21]. В другой своей статье уже по поводу публикации списка лауреатов «Большой книги», куда попала работа Варламова, Немзер был менее категоричен: «Алексей Толстой мне всегда был глубоко антипатичен и как человек (хоть не мнился чистопробным злодеем), и как писатель» [20]. Далее критик оговаривался, что после знакомства с книгой его отношение к фигуре Толстого стало более сложным: «Не то, чтобы Варламов меня переубедил, но после его книги захотелось перечитать и заново обдумать сочинения “красного графа”. Биограф сумел показать живого и, вопреки сложившимся стереотипам, отнюдь не счастливого и не слишком удачливого человека, глубоко преданного литературе и способного хранить обаяние даже в безобразиях и низостях» [20].

Любопытно, что сам Варламов прошел схожую эволюцию взглядов. В интервью «Российской газете» он заявлял:

---

⁴ 20 наиболее издаваемых авторов по художественной литературе. 2022 г. (01.01.2022–31.12.2022). URL: https://www.rsl.ru/photo/!_ORS/7-RKP/3statistics/knigi-broshyury/11.1.pdf (дата обращения: 03.07.2023).

Изначально Толстой как человек мне был несимпатичен, и я не хотел за эту книгу браться, но — поразительная вещь — по мере того, как я эту биографию писал, книга меня победила. Как никакая другая. Мне кажется, что если всерьез говорить о Толстом, то дело как раз не в «советскости». Чего-чего, а этого качества у Толстого было меньше всего. Была скорее природная русская сила, напор, — свидетельство неуничтожимости, физического бессмертия нашего народа⁵.

С Немзером полемизировал критик С.Г. Боровиков⁶. Защищая писателя от упреков оппонента, он удивлялся, почему из всех советских классиков именно Толстой чаще всего оказывался объектом критики:

Мне не раз приходилось спорить <...> с Немзером <...> по поводу А. Толстого, и всякий раз я удивлялся тому, что подобного гнева не вызывают фигуры не менее замаранные в общественном и литературном плане, да и талантом пожиже. Тот же Всеволод Иванов! Чего только не числится на его совести: и борьба против постановок пьес Булгакова и Эрдмана, и никак не менее, чем у Толстого, подхалимские статьи в адрес Сталина и его режима, и не меньшая, а большая приспособленческая халтура о революции и Гражданской войне — роман «Пархоменко». Но — поди ж ты, не слышал в его адрес уничижительных слов [6, с. 222].

В итоге, отдавая дань толстовскому таланту писать острозаметные вещи, Боровиков предлагал называть его «красным Дюма»,

⁵ *Зайцев П.* Алексей Варламов: Изначально Алексей Толстой был мне несимпатичен. URL: <https://rg.ru/2007/10/31/varlamov.html> (дата обращения: 03.07.2023).

⁶ Пример крайне консервативного подхода к оценке личности писателя, наследующей советским мифологемам о Толстом, представляет собой статья филолога П.А. Бороздиной. В своем «ответе клеветникам и очернителям славного имени писателя-патриота» она критиковала авторов современных работ за попытки проанализировать причины конформистского поведения Толстого в советское время. Бороздина настаивала: антифашистская публицистика свидетельствует о патриотизме писателя, что автоматически оправдывает его неоднозначные поступки в прошлом (на момент начала войны тому исполнилось 58 лет). «Необходимо отметить <...> полное игнорирование патриотической деятельности Толстого в годы Великой Отечественной войны. Ведь если честно написать о вкладе А. Толстого в Победу, то от концепции личности писателя, положенной в основу книг Б. Сарнова, Ю. Оклянского и А. Варламова, ничего не останется. Все промахи писателя, все его человеческие слабости окажутся мелкими и ничтожными перед фактом великой заслуги Толстого в борьбе с фашизмом», — заключает автор статьи [7, с. 72].

тем самым акцентируя семантику вторичности его творчества по отношению к знаменитому французскому романисту.

Амбивалентную оценку фигуре Толстого дала даже бывший диссидент, последовательный и непримиримый критик советской системы В.И. Новодворская. Она посвятила писателю главу своей книги «Поэты и цари» (2009), где утверждала, что «нельзя убрать такого автора, как Алексей Николаевич Толстой, из литературы» [22, с. 311]. Новодворская отозвалась о советском периоде карьеры писателя скорее негативно: «Он пойдет по трупам и по костям. Он разучится жалеть. Он никого не подставит, ни на кого не донесет, не станет требовать ничьей головы. Но и не заступится» [22, с. 322]. Тем не менее, в конце главы она все же призывала «простить» Толстого: «Я бы простила — за талант. Но я не знаю, как просить об этом у Того, кто ценил совесть выше литературных данных. Кому много дано, с того много и спросится. А у меня нет аргументов, кроме желтого “Собрания сочинений”. Боюсь, что молитвы здесь не помогут. Остается надеяться на блатных чертей из адского барака» [22, с. 325].

Итак, как мы видим, к середине 2000-х гг. наметился сдвиг в сторону объективной оценки фигуры Толстого в научном и критическом дискурсах — работы о нем и его творчестве начали появляться регулярно. Усилия критиков и филологов способствовали перемещению имени Толстого, практически забытого в 1990-е гг., ближе к ядру национального литературного канона.

«Толстовский след» можно обнаружить в художественной литературе и кино 2000–2020-х гг., что свидетельствует о возросшем интересе к фигуре писателя и во влиятельных культурных кругах. Автор «Аэлиты», как правило, упоминался во второстепенных эпизодах книг и кинофильмов, что вполне изоморфно его нынешнему положению в литературном пантеоне. Так, в романе «Ложится мгла на старые ступени» (2000) А.П. Чудакова Толстой был одним из прототипов графа Шереметьева. Героя и писателя роднит не только любовь к застольям и выпивке, но и схожая манера представляться: персонаж подписывает работы «Гр. Шереметьев», что может расшифровываться тройко: «граф», «гражданин» или «Григорий» (имя героя). Толстой использовал похожую стратегию самопрезентации в пореволюционные годы⁷.

Другой яркий пример — герой романа Е.Г. Водолазкина «Соловьев и Ларионов» (2009), историк Соловьев, спустя 70 лет живущий

⁷ См. об этом: [10].

в доме, на месте которого в романе «Аэлита» находилась мастерская инженера Лося. Вообще, упоминание произведения Толстого становится поводом для формулировки вывода о том, что «художественный вымысел романа *Аэлита* отвечал действительности двадцатых годов в большей степени, чем объективная реальность годов девяностых» [8, с. 315].

Приведем еще один показательный пример, где Толстой упоминается в одном ряду с историками, на этот раз реально существовавшими. В новелле «Круговое движение» из фильма М. Сегала «Рассказы» (2012), на столе президента (И. Угольников) лежит книга «Петр Первый». Затем президент во время беседы с губернатором (С. Фетисов) цитирует обширный монолог заглавного героя романа о неустроенности жизни в Москве. Причем произведение Толстого упоминается президентом в одном ряду с классическими историческими трудами Карамзина и Ключевского⁸.

Примеры можно множить, но и представленных достаточно, чтобы сделать вывод о том, что фигура Толстого в интересующий нас период регулярно появляется и в произведениях современных авторов первого ряда, что вполне соответствует тенденции усиления интереса к писателю и его творчеству.

Важным инструментом канонизации в последние десятилетия становятся медиа, поскольку, по замечанию Б.В. Дубина, классика вошла в индустрию досуга и развлечений и, следовательно, стала массово воспроизводимой. Такое тиражирование делает произведение «социально удостоверенным» [12, с. 326]. Так, на различных телеканалах регулярно выходят фильмы о Толстом. Например, федеральный канал «Россия» выпустил документальную ленту «Красный граф Алексей Толстой»⁹, там же вышел цикл «Толстые» (ведущей выступила Ф. Толстая), одна из серий которого была посвящена писателю¹⁰. Однако наиболее весомый вклад в процесс

⁸ Этим «толстовский след» в современном игровом кино не ограничивается. Так, в фильме С. Ливнева «Ван Гоги» (2019) умирающий отец (Д. Ольбрыхский) постоянно называет своего взрослого сына Марка (А. Серебряков) птичьим и цитирует отрывок из главы «Желтухин» (кличка скворца, живущего в доме семьи главного героя повести «Детство Никиты»): «Здравствуй, здравствуй, птицын серый, энергичный и живой».

⁹ Мелетин В. Красный граф Алексей Толстой [Документальный фильм] // Телеканал Россия. 2005. URL: <https://smotrim.ru/brand/4807> (дата обращения: 03.07.2023).

¹⁰ Линник А., Толстая Ф. Толстые [Документальный фильм] // Телеканал Россия-Культура. 2013. URL: <https://smotrim.ru/video/544608> (дата обращения: 03.07.2023). О Толстом в интересующий нас период вышло еще несколько документальных телефильмов, в частности эпизод цикла «Гении и злодеи», «Алексей Толстой. Никто не знает правды». Как мы видим по названиям, авторы картин акцентировали

канонизации внес телеканал НТВ, в год столетия Октябрьской революции выпустивший 12-серийную экранизацию трилогии «Хождение по мукам». Известно, что произведения, экранизации которых приурочены к юбилейным историческим датам, априори наделяются повышенным символическим значением. Кроме того, «интерес телевидения к литературе» обычно «истолковывается как начало формирования нового национального пантеона» [17, с. 458].

Как писал обозреватель издания «Газета.Ру» Я. Забалуев, «в размышлениях о формате, в котором канал примет участие в торжествах, генеральный продюсер НТВ Тимур Вайнштейн пришел к тому, чтобы сделать что-то классическое, не злоупотребляя ревизионизмом»¹¹. Режиссер сериала К. Худяков в ряде интервью назвал произведение «классическим», а автора — «классиком», не проблематизируя его статус в современном пантеоне: «Каждое поколение снимает свою версию, на то роман и бессмертный, потому что каждое поколение из этого романа вытаскивает то, что созвучно его эпохе, его времени»¹². В другом интервью он высказался еще определеннее: «Меня сейчас спрашивали разные каналы, ради чего мы взялись за это, третья экранизация... Очевидно, классика отличается от просто проходной литературы тем, что каждое поколение находит в ней то, что болит у них здесь, в этот момент»¹³. Автор фильма в этих высказываниях воспроизводит «главный принцип отношения к классике — <...> убеждение в том, что она неисчерпаема, что ее тексты можно снова и снова перечитывать и находить в ней новые и новые богатства» [14, с. 137]. Такое отношение создателей сериала к толстовской трилогии способствует повышению символического статуса писателя в глазах широкой аудитории федерального телеканала и в то же время укрепляет его положение в литературном пантеоне. Кроме того, для признания статуса классика всегда нужна санкция публичной власти [14, с. 134]. В случае с «Хождением по мукам» государство частично спонсировало создание сериала, выделив по 5 миллионов рублей на

внимание зрителя на неоднозначности и «таинственности» биографии автора «Золотого ключика, или приключений Буратино».

¹¹ Забалуев Я. Нет у революции конца. 2017. URL: https://www.gazeta.ru/culture/2017/11/20/a_10994576.shtml (дата обращения: 03.07.2023).

¹² См.: Фладунг К. «Был обречен на сравнение»: режиссер «Хождений по мукам» ответил на критику. 2017. URL: <https://www.ridus.ru/news/266347> (дата обращения: 03.07.2023).

¹³ См.: Александрова М. Новое «Хождение по мукам»: размолоть, перемешать, отжать и поперчить. 2017. URL: <https://www.ridus.ru/news/266347> (дата обращения: 03.07.2023).

производство каждого эпизода¹⁴. Финансовая помощь создателям телефильма может свидетельствовать о постепенном признании толстовского авторитета и на государственном уровне.

В том же юбилейном 2017 г. по инициативе самарского филолога и общественного деятеля М.А. Перепелкина был запущен проект «Читаем Толстого». Его суть состояла в следующем: на местном телевидении выходил цикл передач, где в каждом выпуске известные самарцы читали отрывки из «Хождения по мукам». По замыслу автора, роман должен был выполнять функцию объединения общества: «Чтецы романа, в большинстве своем — известные в Самаре люди, медийные личности, придерживающиеся разных политических взглядов, представлений об искусстве, объединяются в процессе чтения толстовским замыслом, художественным словом, то есть консолидируются на почве гуманитарных, общечеловеческих ценностей. Может быть, именно эта консолидация и должна стать главным уроком русской революции», — говорил организатор проекта журналистам¹⁵.

Судя по всему, авторы самарского проекта опирались на концепцию, реализованную двумя годами ранее. В 2015 г. было запущено «самое масштабное событие года литературы» (так создатели, государственный медиахолдинг ВГТРК, позиционировали проект) — четырехдневный марафон «Война и мир. Читаем роман»¹⁶. С 8 по 11 декабря более 1300 человек из разных городов России и мира в прямом эфире читали подряд весь текст романа. В мероприятии участвовали не только известные деятели литературы и культуры, но и первые лица государства, вплоть до главы Совета Федерации В.И. Матвиенко и премьер-министра Д.А. Медведева. Эта акция, санкционированная государственными институтами, судя по всему, должна была продемонстрировать включенность современной России в мировой культурный контекст. Неслучайно организаторы постоянно подчеркивали, что проект носит международный характер и заостряли внимание на участии в чтениях известных иностранцев: «Фрагменты романа Толстого читали польский кинорежиссёр Анджей Вайда, итальянский актёр Микеле Плачидо, американский

---

¹⁴ *Смурыгина Е.* «Хождение по мукам»: новый сериал превзошел советские экранизации. 2017. URL: <https://www.bfm.ru/news/370303> (дата обращения: 15.02.2024).

¹⁵ В Самаре стартует авторский проект Михаила Перепелкина «Читаем Толстого» [Статья] // Волга Ньюс. URL: <https://volga.news/article/442397.html> (дата обращения: 03.07.2023).

¹⁶ Итоги // Война и мир. Чтение романа в прямом эфире [Сайт]. URL: <https://voinainir.com/news/334865> (дата обращения: 03.07.2023).

режиссёр Майкл Хоффман. Из Парижа читала директор театра “Комеди франезз” Мюриель Майетт»¹⁷. Помимо этого, авторы заявляли другую экстралитературную цель, заключающуюся в «возможности увидеть сегодняшнюю Россию во всей ее красе: природа, культура, география, различные климатические пояса»¹⁸. С другой стороны, акция была призвана продемонстрировать международной аудитории не только высочайший уровень отечественной культуры, но и успехи России в других областях — научной и технологической. Для этого чтения устраивались, например, на борту ледокола и международной космической станции.

На этом фоне участники похожего локального самарского проекта парадоксально и, судя по всему, невольно подчеркивали вторичность А.Н. Толстого относительно его предшественника-однофамильца, по сути, возвращались к логике Иванова-Разумника (см. выше), явно не желая добиться такого эффекта. Несоответствие масштабов двух обсуждаемых акций подчеркивало разницу в символическом статусе между автором «Войны и мира» и автором «Хождений по мукам». Можно говорить о том, что здесь косвенно воспроизводился бунинский миф о «третьем Толстом», писателе, который из-за своей вторичности по отношению к двум предшественникам-однофамильцам не может претендовать на центральное место в литературном пантеоне¹⁹.

При этом важно отметить, что, судя по всему, в целом у краеведов и филологов, работающих за пределами столицы, не вызывает сомнения чрезвычайно высокий символический статус Толстого. Маркером этого является частотность употребления слова «классик» в посвященных ему статьях. Приведем показательный пример: автор журнала «Урал» А. Карфидов посвятил свою работу короткому эпизоду из студенческой жизни писателя — его пребыванию в Невьянске на инженерной практике. В самом начале статьи он назвал Толстого «классиком мировой литературы» [16]²⁰. Указание на высочайший статус писателя призвано усилить символическую

---

¹⁷ Итоги // «Война и мир». Чтение романа в прямом эфире. URL: <http://voinaimir.com/news/334865/> (дата обращения: 17.07.2023).

¹⁸ Там же.

¹⁹ Подробнее о стратегии литературной борьбы Бунина с Толстым см.: [4, с. 156–161].

²⁰ Судя по всему, автор здесь воспроизводит отношение к советским классикам, сформировавшееся в послевоенных учебниках по литературе, в которых декларируется «мировое значение» ведущих советских писателей, в частности Маяковского и Толстого. См. об этом: [28, с. 217–218].

значимость периферийного места, с которым был связан любой, пусть даже незначительный, эпизод из его жизни.

Особенно ярко эксплуатация имени Толстого для насыщения провинциального локуса дополнительными символическими «слоями» представлена в книгах уже упомянутого нами М. Перепелкина. Так, в одной из его монографий повесть Толстого «Детство Никиты» является поводом для краеведческого исследования мест вокруг хутора Сосновка, где будущий писатель родился и прожил до 14 лет [26]. Продолжает эту линию книга «Ходившие по мукам: “самарский код” в трилогии А.Н. Толстого» [27]. Сам автор по поводу выхода этой книги говорил: «То, что в “Хождении по мукам” столько Самары, столько самарских страниц, это нам всем огромный подарок»²¹. Судя по всему, под «подарком» здесь подразумевается возможность развивать культурный «бренд» города, опираясь на авторитет известного романа. Как мы видим, подобного рода оценки способствуют канонизации Толстого и в то же время призваны повысить символическую значимость провинциальных мест, с которыми автор был связан биографически.

Новый виток процесса канонизации Толстого начался в год 140-летия со дня его рождения, когда ряд влиятельных федеральных медиа выпустили материалы, приуроченные к этой дате. Канал «Культура» выпустил телефильм из цикла «Ноев Ковчег. Теория невозможного», посвященный писателю²². В рамках передачи «Настоящее историческое (Praesens historicum)» на «Радио России» вышло интервью с известным толстоведом Г.Н. Воронцовой об истории создания эпопеи «Хождение по мукам»²³. Также нам удалось найти 11 юбилейных публикаций в федеральных печатных и онлайн-СМИ, в их числе ТАСС, «Российская газета», «Комсомольская правда», «Аргументы и факты». Журналисты прежде всего обращали внимание аудитории на неоднозначность биографии «третьего Толстого», однако тон большинства статей оставался нейтральным. Приведем характерный пример из материала ТАСС:

²¹ Михаил Перепелкин представил книгу «Ходившие по мукам: “самарский код” в трилогии А.Н. Толстого» [Видео]: Самара-Гис. YouTube. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=tPrWhfyE0Ok> (дата обращения: 03.07.2023).

²² Урвачева Н. Ноев Ковчег. Теория невозможного. Алексей Толстой [Документальный фильм] // Телеканал Россия-Культура. 2023. URL: <https://smotrim.ru/video/2542223> (дата обращения 09.03.2024).

²³ Бехтина Н. Галина Воронцова: То, что из названия романа — по сравнению с апокрифом — исчезло слово Богородица, полностью меняет его восприятие [Аудио] // Радио России. 2023. URL: <https://smotrim.ru/audio/2677800> (дата обращения 09.03.2024).

Толстой — фигура сложная и уникальная для отечественной литературы <...>. Поэт Серебряного века, важный автор русской эмиграции, известный советский писатель, лауреат Сталинских премий — он прожил все диаметрально противоположные ипостаси, в которых мог существовать творческий человек первой половины XX века <...> попытаемся понять, кем же он был на самом деле²⁴.

В представленной цитате автор избегает оценочных суждений и декларирует попытку рассмотреть фигуру Толстого «объективно». Впрочем, эта статья, как и большинство других, воспроизводит привычные мифы и анекдоты о писателе. Любопытно при этом, что колумнист сайта газеты «Комсомольская правда» Д. Корсаков прямо назвал писателя «классиком русской литературы»²⁵. О принадлежности произведений Толстого к классике заявляли и опрошенные региональным порталом «Слово» ученые-филологи. Так, Д. Ричмонди, профессор Пармского университета, назвал фантастический роман «Аэлита» «классикой»²⁶. Юбилейная статья «Семь вещей Алексея Толстого» вышла и на сайте, созданном в 2015 г. по решению Оргкомитета по проведению Года литературы в РФ²⁷ (проект финансировало государственное агентство «Роспечать»). Таким образом, мы видим, что медиа, причем, что особенно важно подчеркнуть, преимущественно государственные, начали постепенно формировать мнение широкой аудитории о Толстом как о классике русской литературы.

Вносят вклад в этот процесс и региональные государственные учреждения. Мы обнаружили на сайтах библиотек, колледжей и университетов более полутора сотен материалов, информирующих о 140-летию со дня рождения писателя, а также о связанных с этим выставках и подобных мероприятиях.

В конце нашей статьи попробуем охарактеризовать положение А.Н. Толстого в современном пантеоне русской литературы. Перед этим важно оговориться: мы считаем справедливым суждение о том,

---

²⁴ *Валуцкая А.* От поэта Серебряного века до «красного графа»: лица и маски Алексея Толстого. URL: <https://tass.ru/opinions/16760405> (дата обращения: 03.07.2023).

²⁵ *Корсаков Д.* Как Алексей Толстой променял Нобелевскую премию на жизнь в Советском Союзе. URL: <https://www.kp.ru/daily/27450/4703752/> (дата обращения: 03.07.2023).

²⁶ *Сарсенбаев А.* «Знал все русское как никто». URL: <http://slovo-omga.ru/node/395> (дата обращения: 03.07.2023).

²⁷ *Замостьянов А.* Семь вещей Алексея Толстого. URL: <https://godliterature.ru/articles/2023/01/10/sem-veshchic-alekseia-n-tolstogo> (дата обращения: 03.07.2023).

что «кажется труднодостижимой» строгая верификация наличия того или иного имени внутри национального канона, поскольку не существует источников, исчерпывающе фиксирующих этот корпус» [11, с. 110]. Тем не менее, можно утверждать, что в последние десятилетия наблюдается повышение интереса к писателю в научном, критическом, культурном и медиа-дискурсах. Регулярно выходят телефильмы, статьи и научные монографии о Толстом, переиздаются его биографии. Все это запустило процесс «реканонизации» мэтра советской литературы, который претендует на статус «забытого и возвращенного классика» [14, с. 326], если пользоваться классификацией Б. Дубина. Однако этот процесс нельзя считать завершенным, поскольку не приходится говорить о том, что Толстой вошел в ядро национального литературного пантеона. Об этом прежде всего свидетельствует отсутствие его имени в кодификаторе ЕГЭ по литературе за все годы проведения экзамена.

Можно выделить несколько причин сложившегося положения. Во-первых, сама фамилия писателя задавала его вторичность по отношению к важнейшему классику XIX в. Л.Н. Толстому, на чем регулярно акцентировали внимание современники. Усугубляло ситуацию и вызывающе конформистское, по мнению современников, поведение «третьего Толстого», благодаря которому он приобрел неоднозначную репутацию еще при жизни. Такая жизненная стратегия противоречила взглядам интеллигенции, в соответствии с которыми «настоящий писатель должен быть оппозиционен власти», поэтому «благополучная судьба писателя в советское время подталкивает к поиску причин компрометирующего характера». С такими авторами «и при жизни, и много лет после смерти сводят счеты», так как «подобное поведение в российской культурной жизни не просто воспринимается как неправомочное, но болезненно задевает» [15]. Действительно, дискуссия о неоднозначных поступках Толстого, не соответствующих представлениям о классиках, до сих пор часто отодвигает на второй план обсуждение поэтики и эстетических свойств его произведений. Показательный пример такого рода оценок — заголовок книги Ю. Оклянского, посвященной взаимоотношениям писателя и П.Л. Капицы, «Беспутный классик и кентавр» (2009), в котором признание высшего статуса писателя в советской литературной иерархии («классик») сопровождается эмоционально окрашенной оценкой его личности («беспутный») [23].

Кроме того, после распада СССР символический авторитет советских авторов в целом резко упал, а в фокусе внимания специалистов и читательской аудитории оказались произведения неподцензурных

и «возвращенных» писателей, что было во многом закреплено и в школьном каноне. К тому же, в современной России не нашлось авторитетных акторов, готовых предпринимать системные попытки возвращения имени Толстого с периферии в центральную часть национального пантеона.

Наконец, важным фактором является и то, что в последние десятилетия степень литературоцентричности русской культуры постоянно ослабевает, в связи с чем государство уделяет меньше (по сравнению с советским правительством) внимания литературным юбилеям и подобным способам эксплуатации словесности для решения идеологических задач. Следовательно, формирование нового литературного канона не входит в список приоритетных государственных мер.

Литература

1. Алексей Толстой: диалоги со временем. М.: ИМЛИ РАН, 2014. Вып. 1. 371 с.
2. Алексей Толстой: диалоги со временем. М.: Литературный музей, 2017. Вып. 2. 414 с.
3. Алексей Толстой: диалоги со временем. М.: ИМЛИ РАН, 2019. Вып. 3. 560 с.
4. *Анисимов К.В.* Книга И.А. Бунина «Воспоминания» как цикл: опыт реконструкции автобиографического сюжета // Критика и семиотика. 2011. № 15. С. 143–163.
5. А.Н. Толстой. Новые материалы и исследования (Ранний Толстой и его литературное окружение). М.: ИМЛИ РАН, 2002. 243 с.
6. *Боровиков С.Г.* Алексей Варламов. Красный шут. Биографическое повествование об Алексее Толстом // Знамя. 2006. № 6. С. 220–224.
7. *Бороздина П.А.* Алексей Толстой в современном прочтении: полемические заметки // Берегиня. 777. Сова: Общество. Политика. Экономика. 2013. № 1 (16). С. 69–97.
8. *Водолазкин Е.Г.* Соловьев и Ларионов. М.: АСТ: Ред. Елены Шубиной, 2019. 409 с.
9. *Газданов Г.И.* Собр. соч.: в 5 т. М.: Эллис Лак, 2009. Т. 1: Романы. Рассказы. Литературно-критические эссе. Рецензии и заметки. 880 с.
10. *Горбенко А.Ю., Чекушин В.В.* Гражданин, граф, Григорий: А.Н. Толстой в романе А.П. Чудакова «Ложится мгла на старые ступени» // Вестник Томского государственного университета. 2019. № 443. С. 5–11. DOI: 10.17223/15617793/443/1
11. *Горбенко А.Ю.* «Самый неизвестный классик»: механизмы несостоявшейся литературной канонизации Георгия Гребенщикова в 1990–2010-е годы // Новое литературное обозрение. 2020. № 4. С. 109–122.
12. *Дубин Б.В.* Классик — звезда — модное имя — культовая фигура: о стратегиях легитимации культурного авторитета // Культ как феномен литературного процесса: автор, текст, читатель. М.: ИМЛИ РАН, 2011. С. 324–330.

13. *Дубин Б.В.* Классика: после и рядом. Социологические очерки о литературе и культуре. М.: НЛЮ, 2010. 345 с.
14. *Зенкин С.Н.* От текста к культу // Культ как феномен литературного процесса: автор, текст, читатель. М.: ИМЛИ РАН, 2011. С. 133–140.
15. *Иванов-Разумник Р.В.* Алексей Толстой 2-й // Критика XX века / сост., вступ. ст., преамбулы и примеч. Е.В. Ивановой. М.: Олимп, 2002. С. 106–114.
16. *Карфидов А.* Невьянск в творчестве А.Н. Толстого // Урал. 2009. № 10. URL: <https://magazines.gorky.media/ural/2009/10/nevyansk-v-tvorchestve-alekseya-tolstogo.html> (дата обращения: 03.07.2023).
17. *Каспэ И.М.* Классика как коллективный опыт: литература и телесериалы // Классика и классики в социальном и гуманитарном знании. М.: НЛЮ, 2009. С. 452–489.
18. *Литовская М.А.* Творческие возможности демонстративного конформизма советского писателя // Неприкосновенный запас. 2014. № 4. URL: https://www.nlobooks.ru/magazines/nekprikosnovennyy_zapas/96_nz_4_2014/article/11070/ (дата обращения: 03.07.2023).
19. *Молотов В.М.* Статьи и речи 1935–1936 гг. М.: Партиздат, 1937. 272 с.
20. *Немзер А.С.* Вырулили. Названы три «большие книги» // Время новостей. 2007. № 216. URL: <http://www.vremya.ru/2007/216/10/192745.html> (дата обращения: 30.07.2023).
21. *Немзер А.С.* Из нулевых в двадцатые // Время новостей. 2005. № 183. URL: <http://www.vremya.ru/2005/183/10/135765.html> (дата обращения: 03.07.2023).
22. *Новодворская В.И.* Поэты и цари. М.: АСТ, 2010. 476 с.
23. *Оклянский Ю.М.* Беспутный классик и кентавр. М.: Печатные традиции, 2009. 640 с.
24. *Павловец М.Г.* Школьный канон как поле битвы. Часть первая: историческая реконструкция // Неприкосновенный запас. 2016. № 2 (106). URL: https://www.nlobooks.ru/magazines/nekprikosnovennyy_zapas/106_nz_2_2016/article/11916/ (дата обращения: 03.07.2023).
25. *Павловец М.Г.* Школьный канон как поле битвы: купель без ребенка // Неприкосновенный запас. 2016. № 5 (109). С. 125–145. URL: https://www.nlobooks.ru/magazines/nekprikosnovennyy_zapas/109_nz_5_2016/article/12126/ (дата обращения: 03.07.2023).
26. *Перепелкин М.А.* Вокруг «Детства Никиты». Мир — слово — смысл. Самара: Научно-технический центр, 2021. 702 с.
27. *Перепелкин М.А.* Ходившие по мукам: «самарский код» в трилогии А.Н. Толстого. Самара: Научно-технический центр. 2022. 704 с.
28. *Пономарев Е.Р.* Чему учит учебник? Учебник по литературе в рамках советской школы // Нева. 2010. № 1. С. 208–220.
29. *Свердлов М.И.* По ту сторону добра и зла. Алексей Толстой: от Буратино до Петра. М.: Глобус, Изд-во НИЦ ЭНАС, 2004. 176 с.
30. *Толстая Е.Д.* Деготь или мед: Алексей Н. Толстой как неизвестный писатель (1917–1922). М.: РГГУ, 2005. 715 с.

Research Article

Third Wheel? Attempts at Literary Canonization of A.N. Tolstoy in the 2000–2020s

© 2024. Vikentiy V. Chekushin

Reshetnev Siberian State University of Science and Technology,
Siberian Federal University,
Krasnoyarsk, Russia

Abstract: In the early 1990s, against the background of the loss of the authority of Soviet culture, the name of Alexey Tolstoy fell out of the core of the national literary canon. There was a consensus regarding the figure of the writer, first of all, as an opportunist who collaborated with the authorities and fulfilled a “social order.” Such assessments often had an emotionally colored character and pushed the discussion about the poetics of Tolstoy’s texts into the background. However, since the beginning of the 2000s, there has been a shift towards a more objective assessment of the writer’s role in the national literary process. Especially the publication of Tolstoy’s biography, written by A.N. Varlamov, has contributed to this course. Since the same period, representatives of various institutes of canonization have actualized the discussion about Tolstoy’s place in the national pantheon of literature. This article examines the mechanisms of the writer’s canonization in the 2000–2020s. The focus of attention, first of all, was on fiction, critical, and media discourses, where there were regular mentions of Tolstoy and references to his literary texts. Despite the intensification of interest in the personality and work of the writer, it is not necessary to assert that his name has entered the core of the national literary canon. It is due to several reasons, in particular, the sharp decline in the authority of Soviet classics after the collapse of the USSR and the absence in modern Russia of systematic attempts by representatives of the major institutions of literary canonization to return Tolstoy’s figure to the national pantheon.

Keywords: A.N. Tolstoy, A.N. Varlamov, canonization, literary criticism, biography.

Information about the author: Vikentiy V. Chekushin — PhD in Philology, Senior Lecturer, Department of Public Relations, Reshetnev Siberian State University of Science and Technology, Krasnoyarskiy Rabochiy Ave., 31, 660037 Krasnoyarsk, Russia; Associate Professor, Department of Journalism and Literature, Siberian Federal University, Svobodniy Ave., 82 A, 660041 Krasnoyarsk, Russia.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-9829-0875>

E-mail: Vikeshabk@bk.ru

For citation: Chekushin, V.V. “Third Wheel? Attempts at Literary Canonization of A.N. Tolstoy in the 2000–2020s.” *Literaturnyi fakt*, no. 1 (31), 2024, pp. 242–260. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2541-8297-2024-31-242-260>

References

1. *Aleksei Tolstoi: dialogi so vremenem* [Alexey Tolstoy: Dialogues with Time], issue 1. Moscow, IWL RAS Publ., 2014. 371 p. (In Russ.)
2. [Alexey Tolstoy: Dialogues with Time], issue 2. Moscow, IWL RAS Publ., 2017. 414 p. (In Russ.)
3. [Alexey Tolstoy: Dialogues with Time], issue 3. Moscow, IWL RAS Publ., 2019. 560 p. (In Russ.)
4. Anisimov, K.V. “Kniga I.A. Bunina ‘Vospominaniia’ kak tsikl: opyt rekonstruktssii avtobiograficheskogo siuzheta” [“I.A. Bunin’s Book ‘Memories’ as a Cycle: The Experience of Reconstructing an Autobiographical Plot”]. *Kritika i semiotika*, no. 15, 2011, pp. 143–163. (In Russ.)
5. *A.N. Tolstoi. Noveye materialy i issledovaniia (Rannii Tolstoi i ego literaturnoe okruzhenie)* [A.N. Tolstoy. New Materials and Research (Early Tolstoy and His Literary Environment)]. Moscow, IWL RAS Publ., 2002. 243 p. (In Russ.)
6. Borovikov, S.G. “Aleksei Varlamov. Krasnyi shut. Biograficheskoe povestvovanie ob Aleksee Tolstom” [“Alexey Varlamov. The Red Buffoon. A Biographical Tale About Alexei Tolstoy”]. *Znamia*, no. 6, 2006, pp. 220–224. (In Russ.)
7. Borozdina, P.A. “Aleksey Tolstoy v sovremennom prochtenii: polemicheskie zametki” [“Alexey Tolstoy in Modern Perusal: Polemic Notes”]. *Bereginiia. 777. Sova: Obshchestvo. Politika. Ekonomika*, no. 1 (16), 2013, pp. 69–97. (In Russ.)
8. Vodolazkin, E.G. *Solov’ev i Larionov* [Solovyov and Larionov]. Moscow, AST, Redaktsiia Eleny Shubinoi Publ. 2019. 409 p. (In Russ.)
9. Gazdanov, G.I. *Sobranie sochinenii: v 5 t.* [Collected Works: in 5 vols.], vol. 1: Romany. Rasskazy. Literaturno-kriticheskie esse. Retsenzii i zametki [Novels. Stories. Literary Critical Essays. Reviews and Notes]. Moscow, Ellis Lak Publ., 2009. 880 p. (In Russ.)
10. Gorbenko, A.Iu. and V.V. Chekushin. “Grazhdanin, graf, Grigorii: A.N. Tolstoi v romane A.P. Chudakova ‘Lozhitsia mгла na starye stupeni’.” [Citizen, Count, Grigoriy: Aleksey Tolstoy in A.P. Chudakov’s Novel ‘A Gloom is Cast Upon the Ancient Steps’.”] *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo univesiteta*, no. 443, 2019, pp. 5–11. DOI: 10.17223/15617793/443/1 (In Russ.)
11. Gorbenko, A.Iu. “‘Samyi neizvestnyi klassik’: mekhanizmy nesostoiavsheisia literaturnoi kanonizatsii Georgiia Grebenshchikova v 1990–2010-e gody” [“‘The Most Unknown Classic’: The Mechanisms of the Would-Be Literary Canonization of George Grebenstchikoff from 1990s–2010s”]. *Novoe literaturnoe obozrenie*, no. 4, 2020, pp. 109–122. (In Russ.)
12. Dubin, B.V. “Klassik — zvezda — modnoe imia — kul’tovaia figura: o strategiakh legitimatsii kul’turnogo avtoriteta” [“Classic — Celebrity — Fashionable Name — Cult Figure: On Strategies for Legitimizing Cultural Authority”]. *Kul’t kak fenomen literaturnogo protsessa: avtor, tekst, chitatel’* [Cult as a Phenomenon of the Literary Process: Author, Text, Reader]. Moscow, IWL RAS Publ., 2011, pp. 324–330. (In Russ.)
13. Dubin, B.V. *Klassika: posle i riadom. Sotsiologicheskie ocherki o literature i kul’ture* [Classics: After and Next. Sociological Essays on Literature and Culture]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2010. 345 p. (In Russ.)
14. Zenkin, S.N. “Ot teksta k kul’tu” [“From the Text to the Cult”]. *Kul’t kak fenomen literaturnogo protsessa: avtor, tekst, chitatel’* [Cult as a Phenomenon of the Literary Process: Author, Text, Reader]. Moscow, IWL RAS Publ., 2011, pp. 133–140. (In Russ.)
15. Ivanov-Razumnik, R.V. “Aleksei Tolstoi 2-i” [“Alexey Tolstoy II”]. *Kritika XX veka* [Criticism of the 20th Century], comp., introd. article, preamble and notes by E.V. Ivanova. Moscow, Olimp Publ., 2002, pp. 106–114. (In Russ.)
16. Karfidov, A. “Nev’yansk v tvorchestve A.N. Tolstogo” [“Nevyansk in A.N. Tolstoy’s Works”]. *Ural*, no. 10, 2009. Available at: <https://magazines.gorky.media/ural/2009/10/nevyansk-v-tvorchestve-alekseya-tolstogo.html> (Accessed 03 July 2023). (In Russ.)

17. Kaspe, I.M. “Klassika kak kollektivnyi opyt: literatura i teleserialy” [“Classics as a Collective Experience: Literature and TV Shows”]. *Klassika i klassiki v sotsial'nom i gumanitarnom znanii* [Classics and Classics in Social and Humanitarian Knowledge]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2009, pp. 452–489. (In Russ.)
18. Litovskaia, M.A. “Tvorcheskie vozmozhnosti demonstrativnogo konformizma sovetskogo pisatel'ia” [“Creative Possibilities of Demonstrative Conformism of the Soviet Writer”]. *Neprikosnovennyi zapas*, no. 4, 2014. Available at: https://www.nlobooks.ru/magazines/neprikosnovennyi_zapas/96_nz_4_2014/article/11070/ (Accessed 03 July 2023). (In Russ.)
19. Molotov, V.M. *Stat'i i rechi 1935–1936 gg.* [Articles and Speeches, 1935–1936]. Moscow, Partizdat Publ., 1937. 272 p. (In Russ.)
20. Nemzer, A.S. “Vyruili. Nazvany tri ‘bol'shie knigi’.” [“Taxied Out. Three ‘Big Books’ Have Been Named”]. *Vremia novostei*, no. 216, 2007. Available at: <http://www.vremya.ru/2007/216/10/192745.html> (Accessed 30 July 2023). (In Russ.)
21. Nemzer, A.S. “Iz nulevykh v dvadtsatye” [“From the 2000s to the 1920s”]. *Vremia novostei*, no. 183, 2005. Available at: <http://www.vremya.ru/2005/183/10/135765.html> (Accessed 03 July 2023). (In Russ.)
22. Novodvorskaia, V.I. *Poety i tsari* [Poets and Kings]. Moscow, AST Publ., 2010. 476 p. (In Russ.)
23. Oklianskii, Iu.M. *Besputnyi klassik i kentavr* [A Dissolute Classic and a Centaur]. Moscow, Pechatnye traditsii Publ., 2009. 640 p. (In Russ.)
24. Pavlovets, M.G. “Shkol'nyi kanon kak pole bitvy. Chast' pervaiia: istoricheskaia rekonstruktsiia” [“The School Canon as a Battlefield. Part 1: Historical Reconstruction”]. *Neprikosnovennyi zapas*, no. 2 (106), 2016. Available at: https://www.nlobooks.ru/magazines/neprikosnovennyi_zapas/106_nz_2_2016/article/11916/ (Accessed 03 July 2023). (In Russ.)
25. Pavlovets, M.G. “Shkol'nyi kanon kak pole bitvy: kupel' bez rebenka” [“The School Canon as a Battlefield: A Font Without a Child”]. *Neprikosnovennyi zapas*, no. 5 (109), 2016, pp. 125–145. Available at: https://www.nlobooks.ru/magazines/neprikosnovennyi_zapas/109_nz_5_2016/article/12126/ (Accessed 03 July 2023). (In Russ.)
26. Perepelkin, M.A. *Vokrug “Detstva Nikity.” Mir — slovo — smysl* [Around “Nikita's Childhood.” World — Word — Meaning]. Samara, Nauchno-tehnicheskii tsentr Publ., 2021. 702 p. (In Russ.)
27. Perepelkin, M.A. *Khodivshie po mukam: “samarskii kod” v trilogii A.N. Tolstogo* [The Ordeal: “The Samara Code” in the Trilogy by A.N. Tolstoy]. Samara, Nauchno-tehnicheskii tsentr Publ., 2022. 704 p. (In Russ.)
28. Ponomarev, E.R. “Chemu učit učebnik? Učebnik po literature v ramkakh sovetskoi shkoly” [“What Does the Textbook Teach? A Textbook on Literature Within the Framework of the Soviet School”]. *Neva*, no. 1, 2010, pp. 208–220. (In Russ.)
29. Sverdlov, M.I. *Po tu storonu dobra i zla. Aleksei Tolstoi: ot Buratino do Petra* [Beyond Good and Evil. Alexey Tolstoy: From Buratino to Peter]. Moscow, Globus, NTs ENAS Publ., 2004. 176 p. (In Russ.)
30. Tolstaia, E.D. *Degot' ili med: Aleksei N. Tolstoi kak neizvestnyi pisatel' (1917–1922)* [Tar or Honey: Alexey N. Tolstoy as an Unknown Writer (1917–1922)]. Moscow, Russian State University for the Humanities Publ., 2005. 715 p. (In Russ.)